

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

БОРИС КУТЕНКОВ

* * *

ты говоришь — мол, нам нечего больше делить?
как бы не так! позабыв о гордяцком покое,
стану — большая дорога, клинок, волчья сыть,
кляцну зубами, оттяпаю кровно-родное.
много добра забираю, тебя обобраз
до сыроежечной нитки, до сенной соломки:
плотную зелень лугов, медоточие трав,
хвойные лужицы, запах солёный и ломкий.
Господи, сколько всего — унести бы в горстях!..
граблю бесстыдно, монгольно, глаза завидуши.
галочки гуды на чёрных тревожных ветвях,
беличьи скоки в верховьях берёзовой кущи.
и, напоследок, прощальный удар нанося, —
голос над крышей покатою, над гладью озёрной,
божьей росой питавший вокруг всё и вся,
ставший отныне отдельным, оплёванным, сорным.
татю взовьюсь, хиросимно, хатынно губя!
но — не почувствуешь нищей себя, уверяю,
ибо не знала, что всё это есть у тебя,
тысячи раз невзначай напоказ выставляя.
впрочем — оставлю сполна, от щедрот! разберёшь,
а не поймёшь — хоть поддержишь занятой блестяшкой:
месяц над стогом, зелёную греющий рожь
и в полутьме уводящий дорогой бродяжкой.
если опомнишься, — бросишь репейную рать:
лес непролазен, полны наши пороховницы.
совно завоеешь, замашешь: догнать! удержать!
взглянешь на месяц, где темь золотая струится.
мы сговорились! колдобистой глиной путей
пусть закружит-позаблудит, собьётся — всё тщетно!
о, не ищи!.. просто смайл на ладони твоей —
медным грошом единенья и знаком прощенья.

“вот и лето прошло”, — приёмник
вторит августу в унисон.
приживальцем квартиры съёмной
закрываю на ключ сезон.
покидаю глазастость пижмы,
дичь крапивы, полей между.
ни пол-рифмы уже не выжму,
ни пол-строчки не напишу.
по-над отцветью стану выть и
выпью сирюю токовать:
лето выдалось на события
нищим, что напоследок взять?..
исписался, поисчитался.
стал скупей на соцветья слов.
а в кленячьих глазах усталых —
терпеливость, недетский зов.
и прозренье ввергает в трепет,
оглоушив среди тщеты,
что в диффузной лавине летней
микроатомом был и ты.
и тебя это лето щедро
одарило — не зачеркнуть:
расставальных набегов щепкость
и тетрабочная рифмуть.
мялось тесто под рвением бабки
в узловатости сильных рук,
и укроп зеленел в охапках,
и чернел сковородный круг.
отражалось хайло забора
в бурой ряске прудовых вод...
значит — есть что забрать с собою,
значит — было полно всего,
чем разбрасывался помногу,
что устраивало вполне.
всё, что лишь с истечением срока
непомерно растёт в цене,
полной ложкою, подносимой
к иссушённому жаждой рту,
выносимо, неуловимо
отдаляется за черту.

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

ПЕНЕЛОПА

Сотканное за день — распускаю.
Ночью сон мой чуток, как олень.
Слышу всё: дыханье Навсикаи,
Платье у Цирцеинных колен,

Плеск весла, кита, звезду морскую,
Чайки крик и душный шум песка.
Может, скажешь, это я тоскую?
— Вытекла из глаз моих тоска.

Нынче только ночь, сроднившись с нею.
И не просишь участи иной.
Медленно и бледно каменею,
А они — хотят назвать женой.

Говорят, тебя напрасно жду я,
Замыслов лукавых не тая.
Поцелуем в голову седую
Будет нежность поздняя моя.

Вижу всё: лицо твоё и руки.
Берег, грот и порванную снасть.
Белый луч в излучинах разлуки —
Верность это ревность или страсть?

Осязаю, слышу, знаю, вижу.
Так судил немилосердный рок.
Только ты всё ближе, ближе, ближе
На одну слезу, один стежок.

ВОСПОМИНАНИЕ

В такую ночь не будет в мире зла.
В такую ночь я маленькой была,
И бабушкины слушала ладони
Горячкой щёк, бессонницей волос...
Нам с бабушкой обеим не спалось
В огромном, на кита похожем доме.

И ветер выл, а может, верный пёс.
А может, серый волк добычу нёс,
Как в песне, — под ракиновый кусточек.
И до сих пор я верю: кто не спит,
Тот будет съеден в зарослях ракиит,
Где волк о серый камень зубы точит.

Но в эту ночь всем светом, всем огнём
Поля и горы думают о Нём —
В воловьих яслях дремлющем Младенце.
Он тайно улыбается во сне:
Снежинке и лучу, тебе и мне.
И нашему, и собственному детству,

И тем, кто колыбельную поёт,
И тем, кто в доме больше не живёт,
И тем, кто никогда не ведал дома...
Когда лицо целует звёздный свет,
Не бойся — улыбнись ему в ответ.
Вы миллионы лет
уже знакомы.

г. Тамбов

ЕЛЕНА ХОЛОДОВА

* * *

Бабушке

Вздохнёшь, платочек теребя,
И голову опустишь:
“Найдется ль, девка, на тебя
На свете этом упряжь?”

А мне смешны твои слова
В мои года лихие.
Ах, как кружится голова
От солнечной стихии!

И взглядов жаркая волна
Окатит, одурманит.
И льется мир в пролет окна
В ласкающем тумане...

Но отчего-то в час ночной
Невыносимо больно...

.....

.....

Я не умею быть ручной
И не могу быть вольной...

* * *

А. Е.

Не любовницей, не женой —
Я явилась к тебе войной.
Самой страшной из вечных войн.
Ты меня не прогонишь вон.

Я — твой проигрыш и триумф,
Я — оратор земных трибун.
Я иду, январем дыша,
Я — пророческих снов душа.

Ты открой мне входную дверь,
Ты взглядишь в меня и поверь,
Я — прощение и вина.
Я — сомнений твоих война.

* * *

Крестик на цепочке теребя,
Ты в себе не можешь разобраться,
Дрожь теней передавалась пальцам.
Я смотрела прямо на тебя.

Помолчи, раз больно говорить.
Полюби, раз ненавидеть больно!
Отпускаю в небо — воспарить,
Будь моим рабом, и все же вольным...

Не тверди о том, что я — твоя.
Это так смешно и так нелепо.
Видишь, я горю в рассвете неба,
Освящая схватку бытия?

г. Магнитогорск

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

* * *

Предрассветная чуткая алость...
Волга павой плывёт в тишине.
То, о чём так надменно мечталось,
Навсегда отоснилось во сне.

Видно, душу подводным теченьем
Напитала мне Волга-река,
Чтоб молчаньем-речением-пеньем
Прославляла её на века.

Переливчатой волжскою песней
Я спою про нездешний уют...
И не может быть песни чудесней,
Что в родимой сторонке поют!

* * *

Лютуют свирепые вьюги,
Гуляя в родной стороне.
Ответствуйте, верные други,
Сие не почудилось мне?

Могло ли такое присниться:
Иду вдоль Кремлёвской стены,
Где эхом надменной столицы
Шаги мои отражены.

Сверну наугад по Арбатской —
Всё просто, как неба глоток:
Навстречу мне бросится адский
Машин и прохожих поток.

Скажите мне, милые други, —
Возможно, то чудится мне?
И эти московские вьюги,
Что в русской лютуют округе —
Лишь зимний подарок стране?

Москва бьёт своих, чтоб чужие
Боялись — я в доску своя!
Мне — взоры Москвы ножевые,
И матерна ласка ея.

* * *

Ночной перекрёсток похож на распятыё.
Дороги не видно вблизи и вдали.
Здесь линии счастья, как в древнем заклатье,
Вновь с линией жизни сойтись не смогли.

Распутица схлынет. Распустится вишня,
Зажжётся от неба пасхальной свечой.
И сладостный ладан лампы всевышней
Окутает вновь перекрёсток ночной.

Российские вехи — кресты да овраги.
Но в каждой былинке — державная статья,
В ветрах — отголоски имперской отваги,
Эпичность в дожде, что античной под статью.

Так нам ли тужить окаянную грустью,
Веками смирать огнепальный свой пыл?
Здесь реки стремятся к желанному устью,
Какой бы разор на Руси ни царил.

г. Новокуйбышевск

КОНСТАНТИН ОЖЕРЕЛЬЕВ

ЗАВОДИ

Заводи, тихие заводи...
Памяти вечный приют;
День умирает на западе,
А на востоке не ждут.

Тихо бродить бы нам по полю,
Русские сны вспоминать,
Сладко липучему тополю
Или березе внимать.

И уходить от безмолвия
В кроткие летние дни,
Где, легким счастьем исполнено,
Сердце не будет саднить.

Речью узорчатой, милою,
Воздух чужбины дразнить
И над родными могилами
Клятву и память хранить.

Заводы, тихие заводы...
Пусть багровеют закаты,
Жизнь не меняется заново,
Не расслоить наши даты...

В ВЕСЕННЕМ ГОРОДЕ

В мире нет ни черты, ни стены,
Что возможным покажется краем, —
Как котенок клубком шерстяным
Неизвестность планетой играет.
Я стою на холодной печати
Побуревшего в хляби асфальта,
А с небес — непонятым исчадьем —
Снег с дождем — и, немного Вивальди.
Затерялся бы в этой “хламиде”,
Как в Румынии сгинул Овидий
(Пусть писал и творил, но, наверно,
Там не так уж и было все скверно).
...Жду тепла, вечерами встречаю
Перепуганной музы прилет,
Расплавляю в себе крепкий лед
За стаканом горячего чая.
Ожидаю тебя, предвещаю
И слова из души расточаю.

ПУТЬ СТАЛКЕРА

Андрею Тарковскому

Навеки угаснут в людской коловерти
Надежда и Вера. А в тонком конверте
Любовь позабудут, как вражье посланье,
и Ночь приведет толпы душ на закланье,
и вспять повернутся дороги и реки,
и смежатся веки
у века. Навеки.

Мой путь, пересыпанный иглами счастья,
застывшие души не смогут понять.
Но чаще и чаще к спасенью влчатся
людей бывших тени: опять и опять
Усталость, как бритва, по сердцу в ночи...
Лишь я им — свобода и — к сердцу ключи.

Сбивая преграды, тоски сталактиты,
мы вместе пройдем.

До конца. Будем квиты.

Останется им желтый пламень из веры,
а мне — пепелище обугленной сферы.
Крутись и вращайся, живи, бедный шар!
И, если возможно, прости мне пожар.

Дороги Господни и Времени сети...
И я между ними, навеки, на свете.

г. Степняк, Акмолинская обл., Казахстан

АЛЕКСЕЙ ПОЛУБОТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Под властью победившей черни
Ты сохраняешь гордый вид.
И в час задумчиво вечерний
Ещё пылает твой гранит.

И не затмили твой Исакий
Огни крикливые реклам,
В белёсой мгле, в закатном мраке
Он шлёт свой отблеск облакам.

Всё также хмуро непокорна
Свинцом налитая река,
И твой хозяин тенью чёрной
Всё также скачет сквозь века.

г. Мурманск

ВАСИЛИЙ ПОПОВ

* * *

Ночь ушла на небо веселиться,
День пришел на землю горевать.
И как будто в комнате лисица,
Положила лапы на кровать.

Одеяло, словно поле снега...
И припоминаю детский смех:
Как тогда я по сугробам бегал,
Всё подбрасывая шапку вверх.

А потом меня ругала мама:
“— Где ты был, что весь такой в снегу”?
“— Мы с друзьями у деревни самой,
На дороге встретили пургу”.

“— Ну и врать — и где тебя учили?
Мне соседка доложила всё.
За овраги вечером ходили
И гоняли по лесу зверьё.

Быстро раздевайся и на печку,
Высушить одежду растяни.
Как еще ума вам да на речку,
Всем хватило дружно не пойти.

Вот тебе с малиной чай покрепче,
Никуда ты завтра не пойдешь”.
А на небе месяц что-то шепчет
И гуляет где-то молодежь...

Сон ли это или это память,
Или вместе — это поле наше?
Рыжее куда-то только пламя
Убегает от меня всё дальше.

АЛЕКСАНДР ЗАГАЙНОВ

(1980–2009)

Песня про Свидригайлова.
(Исполняет Раскольников)

Прощай, прощайте досчатые простыни,
Гуляй-стаканчики с красным вином
И симпатичные зелёные чёртики,
И разговоры о чем-то святом.

Прощайте глухо влюблённые девочки
Пустые улицы в даль без надежд.
На перекрёстке внезапные стрелочки —
Кому домой, а нам, грешным, в объезд...

А мир какой-то замызганный, серенькой
Его б покрасить — денег краски взять...
Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать...

И было всё — аж порой повторялося,
А чего нет — не бывает вообще.
Рубашки гладили, в путь собиралися,
А оказалось — забыли в тюрьме.

И умер сторож и лег выше снег,
А как споёшь — так и будет всегда
И, как бумага приелись в меню весь век
И Божий хлеб, и наша вина.

А кто-то ангелов кажет по телеку
Но так светлы — нам уже не понять...
Аркадий Иванович едет в Америку
Желает вам, господа, не скучать.

Давай устроим шикарные проводы,
Красоток пухленьких яркий канкан,
Давай найдём неотложные поводы,
Сдадим бутылки и обыщем карман.

И пусть простит за невольные гадости
Кисель вранья о прекрасных мирах,
Конфетки слез, и больные радости
Мертвая девочка в белых цветах.

Руки попросит душонка в истерике,
Но ветка чёрная будет молчать.
Аркадий Иванович едет в Америку
Желает вам, господа, не скучать!

РЕЦЕПТ

Умереть поэтом — это так просто:
Лишь прийти на Васильевский Остров...
Нужно только грустить без печали,
И, взглянув на Дали, видеть дали.

Нужно всех обмануть своей жизнью,
Нужно правду сказать своей тризной,
Нужно глупым быть и невнятным.
Нужно, чтобы поняли превратно.

А ещё — вором быть и бретером,
И смеяться за спинами и якобинцем,
Быть предателем и якобинцем,
А собою быть — это свинство.

По ночам реветь под подушкой,
Поутру улыбаться подружке,
И подружек чтоб тех было — десять,
И ярлык на себя, чтоб повесить.

Прикрутить его, будто бы жернов,
Штампом плюхнуться в воду, наверное...
Для того, чтобы стало так просто,
Я прииду на Васильевский Остров.

г. Москва

ЭЛЛА ПАРАСТАЕВА

ПЯТЬ МИНУТ ДО ВОЙНЫ

Пять минут до прошедшей войны,
Пять минут до ушедшей страны,
Песни лёгкие, васильковые,
Дома высокие, бестолковые.

Пять минут до прошедшей войны,
Ты боль свою уйми,
За эти минуты покоя
Выпьем потом мы стоя.

За эти минуты без войны,
За самозабвенность тишины,
За спинами наших солдат
Кресты церквей горят.

г. Цхинвал